Дэвид Мартин

# **Пятидесятничество:** транснациональный волюнтаризм в глобальном религиозном хозяйстве

ЦЕЛЬЮ этой статьи, посвященной пятидесятничеству (Pentecostalism) и до некоторой степени близким к нему евангелическим харизматическим течениям, является рассмотрение тех следствий, которые может иметь это религиозное направление для будущего христианства и для теории секуляризации, а именно для некоторых ее стандартных компонентов: рационализации, приватизации и социальной дифференциации. У меня есть некоторые сомнения относительно рационализации и приватизации вообще, а тем более в случае пятидесятничества, поскольку оно приватизируется очень редко и неоднозначно, а также вполне может сосуществовать с рационализацией, как и любая другая церковь в Далласе или Атланте. Но социальная дифференциация является в принципе важным аспектом, а для пятидесятничества — особенно.

Социальная дифференциация подразумевает воз-никновение особой религиозной сферы, отделенной от государства и больше не участвующей автоматически в формировании священного единства народа, веры и места. Религиозная сфера может также быть частично отделена от других социальных сфер, таких как образование и социальное обеспечение, или играть все меньшую роль в этих последних, но отделение религии от государства имеет множество последствий, как правило, позитивных, как в США, но, конечно, очень разных — в соответствии с особенностями конкретных политических культур. Пятидесятничество — превосходный пример социальной дифференциации и (как и его главный предшественник — методизм) наиболее выразительный случай существова-ния транснациональной добровольной религиозной группы, которая соперничает с другими группами в контексте политической культуры, позитивно относящейся к религии.

Исторически пятидесятничество — это англо-американский религиозный феномен, но сегодня маркировать его таким образом вряд ли правильно, если иметь в виду формы его существования, а также ареалы и источ-ники его распространения. Спор о том, является или не является глобальное пятидесятничество результатом американского экспорта, вводит в заблуждение именно потому, что пятидесятничество следует понимать как удачный гибрид, способный постоянно адаптироваться к местным условиям, не утрачивая при этом своих отличительных качеств. Нужно учитывать мотивы тех, кто считает пятидесятничество по существу американским экспортом. Некоторые, настроенные враждебно, связывают пятидесятничество с американскими культурными войнами и относят к нему две трети техасского христианства. Другие смотрят на него через призму неолиберального восхваления рынка в любых его формах. Есть и такие, кто рассматривает пятидесятничество как проявление постмодерна. Если быть гибридом — значит быть «постмодерным», тогда пятидесятничество является постмодерным, хотя методизм, католицизм и раннее христианство — тоже гибриды, но никоим образом не постмодерные явления. Воображаемые сущности являют-ся синкретическими, если в них различные старые темы сплетаются с новыми формами, которые могут меняться, обогащаться или подгоняться в соответствии с культурным контекстом; а как говорить: о синкретических подделках или об обогащении в процессе адаптации, — это зависит от личной точки зрения.

С тех пор как возможность создавать добровольные религиозные организации, сокрытая в самом событии Реформации, была в течение последних четырех столетий реализована в англоязычном мире, возникло напряжение между монополистическим территориальным принципом и плюралистическими транснациональными добровольными ассоциациями, такими как методизм и пятидесятничество. Религию порой понимают как связующее звено, которое соединяет, прежде всего, «естественные» формы — семью и расширенную семью, которой является этническая группа,

ставшая тем самым священным братством; и обычно речь идет о какой-то территории. Раннее христианство возникло именно в такой ситуации, но покинуло иудейское родительское тело, вырвавшись из утробы, которая с тех пор представляет для него опасность. Признанное Константином, по крайней мере, отчасти с целью поддержания единства Римской империи, христианство частично вернулось к выполнению этой роли — быть связкой, сплачивать все общество, к роли, которую в любом случае требуется постоянно подтверждать. Однако христианство сохраняет в себе все свои изначальные смыслы и принципы, создавая в своих ритуалах и иконографии творческую двусмысленность и тем самым одновременно и стабилизируя властные структуры, и подрывая их. Некоторые из этих принципов время от времени извлекаются на свет диссидентами и проявляются в радикальных формах христианства, чтобы затем быть отодвинутыми силами священного союза веры и места или веры и этноса, а также в результате неизбежной динамики власти и авторитета. Монашество, понятое как форма христианского радикализма и буквально замурованное в церковные структуры, также было отодвинуто в интересах власти и авторитета. К радикальным формам христианства относятся и такие внешние диссиденты, как квакеры, и такие внутренние радикалы, как монашеские ордена. Например, цистерциа-нцы часто утрачивали свой изначальный радикализм, достигнув коллективного богатства, что сделать довольно просто, если соблюдать аскетическую дисциплину.

Если оставить в стороне притяжение места и этноса, надо сказать, что нельзя ничего достичь без власти и авторитета, даже если власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Пятидесятничество апелли-рует к людям и к их участию, но его пасторы проявляют власть с особой силой, и это неудивительно, если принять во внимание, что массовое участие и возникающий время от времени хаос, порожденный бурными молитвенными возгласами, требуют контроля и сдерживания в рамках определенных пространственно-временных ограничений. Так, предполагается, что

британская Лейбористская пар-тия ориентирована на участие людей и реагирует на «демократические импульсы», по крайней мере, истории-чески, но она гораздо менее партиципационна, чем пятидесятническая церковь, хотя не менее последовательна в том, что касается партийной дисциплины. Некоторые из тех, кто считают пятидесятничество авторитарным, смотрят на организационные императивы не реалистически, измеряя все нормами, которые никогда не реализуются на практике, а тем более в западных институтах, как политических, так и религиозных. В конце концов, политические партии, наряду с университетами, академиями и церквами, — это скопление активных групп, борющихся за доминирование, а поэтому довольно странно, когда при обсуждении пятидесятничества апеллируют к моральным аргументам, особенно те, кто якобы являются сторонниками «ценностно-нейтрального» анализа. Следует признать, что изучение пятидесятничества является примером научного социального исследования, на которое оказывают влияние определенные политические и культурные представления, так что академические суждения, по крайней мере, отчасти выносятся с оглядкой на те ценности, которые, как считается, разделяют коллеги.

Можно предложить такое эвристическое различение между религиозным и политическим: если политика есть осуществление выбора из четко обозначенного набора вариантов в определенное время и в определенном месте, то религия относится одновременно к более близкому личному горизонту и к горизонту вечности. Скрытая диалектика одновременно непосредственного и вечного горизонта веры, с одной стороны, и временно́го (в смысле определенного периода) горизонта политики, с другой, является подтекстом моего текста, даже если в центре моей аргументации — диалектическое соотношение, с одной стороны, вынужденных союзов веры, семьи, места и народа и, с другой стороны, добровольных союзов — братств и сестричеств, пересекающих все границы.

В рамках этой аргументации я считаю, что иудаизм ориентирован на геймат (*Heimat*, родина, отечество) и периодически вытесняется в диаспору (или изгнание), тог-да как пятидесятничество по своему существу диаспораль-но, но время от времени склоняется к геймату. Как это ни странно, католицизм исторически был выражением геймата и принципа «святой земли», но тем не менее всегда сохранял транснациональные связи и весьма часто боролся с родительской иудейской верой, когда иудеи влачили свое диаспоральное существование. Пятидесятни-чество, напротив, является современным выражением диаспорального бытия, но с явной симпатией к иудейскому чаянию Сиона. В этом отношении оно напоминает раннее реформатство, которое возникло в изгнании и было, как и пятидесятничество, пропитано образами еврейской Библии. Такие протестантские страны, как Америка и Британия, рассматривали себя самих как Новый Иерусалим и подпитывали христианский сионизм ради того, чтобы способствовать успешной реализации целей еврейского сионизма. Для пятидесятничества также характерно это филосемитское настроение. Можно даже сказать, что африканское пятидесятничество, в особенности так называемое «евангелие процветания», представляет собой афро-иудейскую амальгаму, восходящую к африканской и иудейской посюсторонности, мирской ориентации и к таким ключевым текстам еврейской Библии, как пророчество Иоиля и, конечно, книги так называемых «малых пророков», в которых выражено ожидание того, что Бог дарует блага своему верному Народу после всех испытаний, бедности и притеснений. Некоторые пятидесятнические церкви, такие как La Luz del Mundo (Свет миру) в Мексике и Olive Tree Church (Церковь масличного дерева) в Южной Африке, довольно явственно обнаруживают иудейские черты, усиленные во втором случае опытом апартеида как внутреннего изгнания. То же надо сказать и о черных сионистских церквах в Южной Африке, многие из которых исторически получили инъекцию пятидесятнических генов. Не стоит думать, что эти церкви несовместимы с той атмосферой, которая в Евангелиях

ассоциируется с «нищими», претерпевающими свою нищету. В конце концов, Евангелия обещают, что униженные будут возвышены, и когда нищие и униженные читают об этом обетовании, то они вполне могут по-своему истолковать, в чем будет состоять это возвышение. Один пятидесятнический лидер в Нигерии выразил это предельно сжато: «Кто из вас хочет быть бедным? Возможно, пятидесятническое толкование столь же верно Библии, что и иные толкования».

Хотя я в основном стремлюсь поместить широко понятое пятидесятничество в рамки диалектики добровольных транснациональных ассоциаций и территориального принципа, я также рассматриваю параллельные и порой пересекающиеся диалектические соотношения. Существует диалектическое соотношение (или напряже-ние) между: монокультурализмом и мультикультурализмом; свободной духовностью и институциональной религией; религиозной аскезой и потребительским гедонизмом; равенством в духе и священническим или пастырским опосредованием духа; культурной революцией вне сферы государства и политической революцией посредством государства с соответствующими проявле-ниями власти и убеждения; современными средствами и древними способами психического и физического цели-тельства; современными техническими средствами коммуникации и формами распространения духовно мобилизующих посланий, имеющими долгую историю; реформацией (или кризисом) и преемственностью; литургическим временем, имеющим циклический характер, и временем как устремленностью вперед в предощущении главной или эсхатологической перемены, представление о котором восходит к более чем двухтысячелетней давности «осевой эпохе» мировых религий и к раннему христианству.

Постараюсь кратко обозначить, как можно определить место пятидесятничества в рамках этих напряжений. Пятидесятничество — это культурная революция вне сферы государства, реформирующая старые структуры посредством основных форм властвования с использованием

современных технологий и вдохновленная устремленным в будущее предчувствием конца старого мира, а не постоянным хождением по кругу. Оно мобилизует «языки» народа, который ранее не был слышен, а его лидерами являются представители внутренней интеллигенции в лице конкурирующих капитанов религиозной индустрии. Оно утверждает возможность прямого доступа к Духу посредством крепкой религиозной институции, а не свободной духовности. Оно предлагает плоды аскетической дисцип-лины людям, которые ищут освобождения от невольной материальной нужды или от вынужденной духовной бедности рационального бизнеса. Пятидесятники водушевлены духовными силами, так как ощущают вдохновенное стремление к лучшей жизни во всех ее измерениях. Они представляют собой современный пример викторианского стремления к совершенствованию вместе с другими, будучи движимы и вдохновлены теми же мотивами.

Ясно, что когда социология занимается анализом религиозных групп, стремящихся к укреплению и усовершенствованию во всех своих измерениях, она сталкивается с одновременной динамикой духовной устремленности и духовного разложения, сопутствующего укреплению. Если Вацлав Гавел был прав, когда говорил, что утопическое видение коммунизма потерпело пораже-ние, помимо прочего, в силу того, что оно вступило в фазу распада и стало воплощением царства лжи, тогда и социолог, стремящийся понять «причины вещей», должен принимать во внимание и духовные, и материальные силы. Разложение и устремление присутствуют и в наших академических писаниях, и представители политической науки, избегающие таких терминов, как разложение, не смогут осмыслить материал, с которым работают. Это значит, что самопонимание пятидесятников, согласно которому они движимы духом, но и поддаются духовным соблазнам, — это не иллюзия, почему я и употребляю такие слова, как воодушевление, устремление, вдохновение и разложение. Это самопонимание являются

частью наших данных и тем, с чего мы начинаем поиск более полного понимания этого феномена.

## Мобильная идентичность, глобальная культурная революция и контрреволюции

Распространение пятидесятничества по всему пространству глобального религиозного хозяйства, за исключением собственно исламских регионов, — это одно из проявлений смещения центра тяжести христианства на глобальный Юг. Это не просто движение через экватор к югу, но выход из сферы доминирования глобального Севера, в особенности Европы и Северной Америки, что проявляется не только в цифрах, но и в автономной динамике. И это, строго говоря, не собственно движение на юг, потому что ареал распространения пятидесятничества включает страны Тихоокеанского бассейна от Сингапура до Кореи, а также территориальный Китай и китайскую диаспору.

В рамках глобального религиозного хозяйства главными соперниками пятидесятничества являются ислам и католицизм, но — по-разному, в зависимости от того, что предлагается. Ислам предлагает всемирную транснациональную общину, которая, каковы бы ни были ее внутренние разновидности и разделения, стремится организовать жизнь целых обществ и государств по территориальному принципу и в соответствии с религиозным правом. В плюралистических странах он часто соревнуется с целью положить конец соревнованию. Пятидесятничество, наоборот, живет с помощью рынка и в соответствии с принципом добровольности, и хотя оно сразу опознается, где бы ни появилось, оно разделяется на части, фрагментируется, что препятствует его превраще-нию на какой-либо территории в монопольную веру. Множество соревнующихся деноминаций, руководимых религиозными предпринимателями, вряд ли будут стремиться к установлению теократии или коллективному ведению священной войны. У ислама есть священные центры, тогда как пятидесятничество

децентрировано. Пятидесятничество отличается и от транснациональной католической церкви, которая делает акцент на единстве под властью одного авторитета, привлекает паломников в священные центры и сохраняет многое от того органичес-кого и территориального характера, который приняла в старые, досовременные времена. Католицизм энергично защищает себя как институцию, даже если и за счет католиков, как показывают последние сексуальные скандалы. Но ведь можно сказать, что и пятидесятническая десятина, если ее действительно собирают, тоже является формой эксплуатации ради выживания институции. Всякая институция защищает себя, будь то армия, подразделение правительства, благотворительная организация или церковь. Как бы то ни было, но в настоящий момент католицизм, ислам и пятидесятничество / евангелизм — главные «игроки». Если я не касаюсь параллельного и, возможно, гораздо большего значения католицизма и ислама с точки зрения претензий универсального монотеизма в глобализирующемся мире, то только потому, что эти темы гораздо более масштабны, чем место, которым я располагаю, или моя компетенция.

Здесь надо сказать о необходимости быть осторожным, как мне самому, так и другим. Цифры — это форма пропаганды, а не только информации, а в данной сфере особенно следует опасаться преувеличений, причиной которых, в частности, могут быть весьма расплывчатые дефиниции. Например, большинство африканских христиан до сих пор принадлежат к традиционным деноминациям даже в тех странах, где пятидесятники являются крупнейшей религиозной группой. Харизмы переливаются через деноминационные границы, и, по крайней мере, в некоторых частях Африки многие верующие посещают, скажем, англиканские и лютеранские церкви, но в то же время ходят и в пятидесятнические церкви, которые считают более африканскими по духу и стилю. И это делает подсчеты проблематичными. Более того, в Африке индепенденты, которые привлекали больше всего внимания отчасти потому, что рассматривались как наиболее африканские, до сих пор процветают, хотя

внимание исследователей сместилось с них на пятидесятнические мега-церкви. Интерес к мега- церквам также отвлек внимание от великого множества малых религиозных инициатив, многие из которых управляются ловкими дельцами. Некоторые районы городов в двух третях мира от Сантьяго до Сеула и Йоханнесбурга представляют собой соты со множеством крохотных ячеек такого рода религиозного «социального капитала». Когда видишь это в небезопасных районах Йоханнесбурга, то понимаешь, что происходит что-то действительно удивительное, но при этом опять же следует быть осторожным относительно номенклатуры и численности. Как разобраться в этом многогранном явлении и в бесконечно умножающихся деноминациях — вопрос сложный. Если вы достаточно долго занимаетесь этими процессами, то привыкаете к весьма противоречивой статистике и футурологии. Увидеть многочисленную, новую и официально признанную церковь в университетском квартале Пекина столь же поразительно, что и в Йоханнесбурге. Там одиннадцать хоров и шесть воскресных служб, на каждую из которых собирается около тысячи человек, в основном молодых людей, многие из которых студенты. В Китае есть город Вэньчжоу, где 15 процентов населения составляют христиане и существуют группы, именуемые «boss Christians», но это не означает неминуемой христианизации Китая. Как и Тайваня, где до недавнего времени существовал совсем другой политических режим, хотя столь же репрессивный и враждебный к религиозной свободе и где христиан — не более 3 – 6 процентов. Верхний предел распространения пятидесятничества / евангелизма в Латинской Америке — между 10 и 20 процентами, и, скорее всего, таков же предел распространения христианства вообще в Китае.

Если пятидесятничество является транснациональным и мобильным выражением плюрализма, раздробления, выбора и принципа добровольности, то его вполне можно рассматривать как волну, идущую из будущего. Конечно, более традиционные христианские сообщества, например, в Африке и Индии, к нему относятся часто с подозрением — как к незваному

гостю, дестабилизирующему фактору. Однако движение к конкурент-ному плюрализму никоим образом не является универсальным и сталкивается с уравновешивающими тенденциями, особенно в исламе, но не только. Существует много вариантов «интегрального» или органического принципа, в свое время воинственно продвигавшегося «католической крепостью», в частности, в сочетании с национальной страстью, что часто имеет место. В Латинской Америке источником противостояния принципу добровольности являются, как правило, культурные националисты из среды интеллигенции, а также религиозные националисты. То же самое справедливо и в отношении православных стран, например, Греции, России и Эфиопии. Защитники союза места, народа и веры, как религиозные, так и нерелигиозные, энергично сопротивляются вторжению конкурентов, особенно если их можно убедительно представить как чужаков. Существует особый тип национализма на постимперских территориях, например, в Индии и Африке, где укоренен-ные на этих территориях традиционные конфессии считаются аутентичным выражением национального этоса. Там конкуренция не допускается на том основании, что это иная форма колониализма, и пятидесятничество, особенно «евангелие процветания», отвергается как вторжение сил американского культурного империализма, хотя представление о том, что боги, «блага» и благо тесно связаны, является древним и повсеместным. Многие антропологи, будучи представителями международной интеллигенции, до недавнего времени поощряли усилия государственных элит пост- имперских стран не допускать конкуренции и поддерживать или даже реконструировать то, что считается там аутентичной местной религией или идеологией. Международная интеллигенция защищает мультикультурализм там, где он уже имеет место, в За- падной Европе и Северной Америке. Действительно, на смену интеллектуальной установке, согласно которой следует поощрять конкурирующие на равных доброволь-ные религиозные организации, поскольку это является проявлением уважения к правам человека, пришла противоположная установка: осуждать конкуренцию как проявление

прозелитизма, враждебного правам человека в смысле прав религиозной общины на защиту своей целостности от посягательств конкурентов. Московский патриарх и израильтяне вполне единодушны в своем отношении к вторжению конкурентов, и, возможно, они правы.

Так что существует много примеров сопротивления плюрализму и мультикультурализму, а имевшие место этнические чистки можно связать с религиозными чистками очень путаным образом, и следует ожидать, что комментаторы в СМИ будут усложнять свои высказывания, выявляя различные политические, экономические, культурные, этнические и религиозные аспекты. Даже с научной точки зрения трудно сказать, что может, а что не может рассматриваться как религиозный конфликт, когда речь идет о Руанде, восстании сипаев в Индии или преследовании и насильственном ре-обращении индийских христиан в Ориссе. Если существует исламофобия в глобальном масштабе, то существует и подобная ей христианофобия.

В старых протестантских регионах, в Северной Америке и Северной Европе, пятидесятничество по большей части было если и новым, то поздним выражением евангеличества и пиетизма. В Скандинавии, например, а также в Великобритании оно нашло себе место, хотя и очень скромное, в пространстве свободных церквей. В Северной Америке пятидесятничество является ответвлением методистской и реформатской традиций и в численном отношении уступает евангеличеству американской христианской культуры «вновь рожден-ных». Однако смесь черного и белого ривайвелизма, воспламенившаяся в 1906 году на Азуза стрит [в Лос- Анжелесе], каковыми бы ни были многочисленные предвосхищения этого в других местах, от Индии до Уэльса, породила особую форму вдохновенной религии, одновременно древней и современной, возрождающей через «крещение в Духе», «говорение языками», освобождение и исцеление, которая способна переступать любые границы между «культурными видами». За пределами старых протестантских регионов пятидесятничество сегодня реализовало

неосуществимую мечту миссионеров об «инкультурации» и «укоренении» — здесь, там и везде. Хотя во многих контекстах, например, в Южной Африке, оно воспроизводило расовые, культурные и гендерные разделения. Этот факт следует принять как данность. Подобные разделения всегда восстанавливаются, так же как и священный союз веры и территории.

Сегодня пятидесятничество вместе с другими харизматическими течениями является наиболее экспансивной формой протестантизма во многих частях «глобального Юга», в особенности в Латинской Америке и Африке. Подобно Протею, пятидесятничество быстро укореняется, поскольку его продвигают динамичные люди, которые в одно и то же время и изменяют местный контекст, и приспосабливаются к нему. В пятидесятничестве есть такие элементы, которые с легкостью ассимили-руют местные духовные практики, и Бирджит Мейер справедливо указывает на то, что эти местные практики усваиваются под знаком Святого Духа, даже если им предназначаются новые роли демонов, а не богов[1]. Иначе говоря, они понимаются как реальные, а не иллюзорные, тогда как более старые деноминации их отвергали как донаучные предрассудки. Демоническое всегда присутствует, каким бы языком мы не пользовались. Пятидесятничество имеет дело с демоническим, и его экзорцизмы представляют собой способ древней терапии, осуществляемой в современном пространстве, так же как пятидесятническая проповедь — это убедительная дра-матическая история, которую рассказывают в соответствии с модерными и даже модными представлениями о нарративе. То, что одни считают экспортом американской веры, для других является реактивацией древних местных форм духовности, далеких от протестантской этики; а для третьих, и для меня в том числе, — это могущественный гибрид, преобразующий древние

[1] *Meyer B.* Translating the Devil. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

духовные миры под знаком универсального Святого Духа и с применением современных способов воздействия на людей[2].

## Миссионеры и главные проводники пятидесятничества

Хорошо известно, что успешными проводниками христианства в современный период чаще всего были местные катехизаторы, а не иностранные миссионеры. В то же время роль миссионеров, включая их научный вклад в антропологию, в распространение грамотности и исторического знания, в энтомологию, картографию и географию, недавно был переоценен, например, в работе Патрика Хэрриса о швейцарских кальвинистах, таких как Анри- Александр Жюно в Юго-Восточной Африке, и Дэвида Максвелла в исследовании, посвященном выдающемуся миссионеру-пятидесятнику Фредерику Бертону, который проповедовал в среде народности луба в Конго[3]. Бертон нетипичен, поскольку был выходцем из высших классов, большинство же миссионеров принадлежали к низшим классам и маргинальным группам в Европе и Северной Америке и обращались к таким же классам и группам за границей. Мне пришло это в голову, когда в мексиканском штате Юкатан, в деревне, я увидел вполне удачную копию уэльсской часовни, окруженную пальмовыми деревьями, и наблюдал миссионеров с шотландскими именами, приехавших с американского Юга, которые работали в больнице в Мериде, в тех же местах. Низкое социальное происхождение некоторых миссионеров могло быть немаловажным фактором, определяющим пренебрежительную и враждебную атмосферу, которая их окружала. Образовательная деятельность миссионеров в Африке давно признана, но гораздо меньше известно, скажем, о такой же

[2] *Bastian J.-P.* Le Protestantisme en Amérique Latine: une Approche Socio-Historique. Gevena: Labor et Fides, 1994.

[3] *Harries P.* Butterflies and Barbarians: Swiss Missionaries and Systems of Knowledge in South-East Africa. Columbus, Ohio: Ohio University Press, 2007. Исследование Максвелла (David Maxwell) еще не закончено.

деятельности протестантских миссионеров в Латинской Америке или о роли протестантов в мексиканской революции, а также о той ключевой роли, которую сыграли пресвитериане в создании высшего образования в Корее и на Тайване.

Современное пятидесятничество — это часть потока людей всех типов и положений, который пересекает границы, движется из сельской местности в мегаполисы. Это религиозный караван-сарай или защитный конвой по пути в мегаполис, и харизматическая мега-церковь дополняет мегаполис. Если развивать рыночную метафору глобального религиозного хозяйства, то пятидесятничество конкурирует с традиционными, бывшими государственными церквами, с католиками и англиканами, а также с основными евангелическими церквами, прежде всего, в Африке и особенно среди молодежи и женщин. В то же время харизматические импульсы имеют место и вне собственно пятидесятнического направления: либо в традиционных церквах, например, среди лютеран Восточной Африки и коптов на Севере, либо в разных мега-церквах, многие из которых теперь проповедуют «евангелие здоровья, благосостояния и освобождения». В Латинской Америке конкуренция со стороны пятидесятников потрясла и обеспокоила все основные протестантские деноминации, укоренившиеся там в XIX веке, включая адвентистов, многие из которых обладают таким медицинским и образовательным капиталом, которого нет у пятидесятников[4].

В прошлом связь между колониальной империей, например Британской, и распространением конкретной религии, например протестантизма, была слабой. Я подчеркиваю слабость этой связи, потому что влиятельное направление в недавней ревизионистской историографии, представленное, например, томом для оксфордской истории Британской империи, подготовленным Норманном Этерингтоном, не только пересматривает роль миссии, но и обращает внимание на значительную

[4] *Greenleaf F.* The Seventh-day Adventist Church in Latin America and the Caribbean. Vols. 1 – 2. Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1992.

независимость миссии от империи, хотя религия имперской метрополии неизбежно переносится на колониальные территории вне зависимости от того, насколько имперское правительство, как это было в Великобритании, этому препятствует и сдерживает разрушительные культурные реформы[5].

Однако теперь старая имперская карта меняется, и пятидесятничество размывает прошлые границы. Пятидесятничество стало местной религией не только в Латинской Америке, но и во франкоязычной и португалоязычной Африке. Весьма сильным является пятидесятническое и харизматическое присутствие в Эфиопии, отчасти благодаря студентам университета в Аддис-Абебе. В Анголе и Мозамбике это влияние подпитывается циркуляцией людей внутри языкового сообщества в границах бывшей Португальской империи, включая Бразилию и распространяясь на саму Португалию. Трансграничные потоки движутся во все стороны. Если они достигают Португалии через распространение Бразильской универсальной церкви Царства Божия, то они также захватывают и большие диаспоры с пост-имперских территорий, добираясь до старых христианских земель и совершая обратную миссию. Пятидесятничество чаще всего ассоциируется с диаспорой, а не с гейматом, хотя есть и заметные исключения, особенно когда его выбирают такие народности, как майя или кечуа в Латинской Америке, или когда оно создает гибридные церкви, соединяя территориальный и добровольный элемент, а также протестантский, католический и местные элементы, как в случае с Искупленной христианской церковью Бога в Нигерии.

[5] *Etherington N.* (ed.). Missions and Empire. Oxford: Oxford University Press, 2005.

## Пятидесятничество как глобальная диаспора

Диаспоральные перемещения из постколониальных стран в старые христианские земли принимают разные формы. Например, нигериец, отправившийся учиться в Россию, находит процветающую мегацерковь с хорошо развитой и успешной терапевтической функцией на Украине[6]. Западные африканцы приезжают в Северную Европу и собираются в церквах крупнейших городов, от Лондона и Амстердама до Берлина[7]. Небольшой пример: в саксонском городе Халле — две конгрегации пятидесятников, обе африканские, франкоговорящая и англоговорящая. В Лондоне Кенсингтон Темпл — это мегацерковь, имеющая мультикультурный центр для приема новых иммигрантов со всего мира[8]. Корейская диаспора представляет собой пример другого рода. Изначально в Корее были влиятельны американские пресвитериане, и христианство стало ассоциироваться с корейским экономическим и образовательным развитием, а также с национальным самосознанием. Но там уже давно имели место и ривайвелистские тенденции, и приход пятидесятников резко увеличил число христианских деноминаций[9].

Христианство, включая пятидесятничество и харизматические мегацеркви, добилось успеха в Корее в 1960 – 1990-е годы. Затем корейцы взяли с собой свое христианство в Северную Америку, где также происходили обращения, и понесли его через тихоокеанский регион вплоть до Филиппин, а затем на Дальний Восток, в район Владивостока. Они

---

[6] *Wanner C.* Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca: Cornell University Press, 2007.

[7] *Dijk van R.* Time and Transcultural: Technologies of the Self in the Ghanaian Pentecostal Diaspora // Corten A., Marshall-Fratani R. (eds.). Beyond Babel and Pentecost: Transnational Pentecostalism in Africa and Latin America. London: Hurst, 2001. Chap. 12. P. 216 – 234.

[8] *Thompson D.* Waiting for the Antichrist. Charisma and Apocalypse in a Pentecostal Church. Oxford: Oxford University Press, 2005.

[9] *Buswell R. E., Lee T. S.* (eds.). Christianity in Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2005.

действуют даже в Афганистане и Кыргызстане[10]. Другой поток: филиппинские иммигранты в США обрели евангелическую или пятидесятническую веру и перенесли ее назад, в Филиппины, которые, возможно, являются страной, где представление о христианстве «нового рождения» как американском экспорте имеет максимальное распространение.

### Нишевые рынки для глобального пятидесятничества: маленькие люди, маргинальные народы, новые средние классы

Пятидесятничество с сопутствующими ему харизматическими течениями оказывает влияние на глобальное религиозное хозяйство в разных направлениях. Во-первых, это движение «маленьких людей», оторванных от традиционных иерархий и мест и видящих для себя новые возможности, особенно если они собираются вместе в дисциплинированные религиозные группы ради назидания и совершенствования в моральном, духовном и материальном плане. Это группы с тысячью имен, которые можно встретить по всему пространству двух третей мира в бедных районах, где гудят ульи социального капитала. Затем — «пробуждение» второстепенных народов, включая те «первые народы», которые, как долгое время считали антропологи, сопротивляются христианизации[11]. Здесь мы имеем пятидесятническую вариацию на тему пробуждения национального самосознания, за исключением того, что оно по природе своей склонно к раздроблению и не охватывает целые нации. Маргинальные группы пересматривают привычные стереотипы и дисциплинируются заново. В некоторых случаях распространение пятидесятничества совпадает с прекращением социальной помощи, оказываемой основными церквами, как это было у австралийских аборигенов, или с изгнанием миссионеров, как в Эфиопии. Перед людьми, находящимися в маргинальном положении,

[10] *Pelkmans M.* Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith. Oxford: Berghahn, 2009.
[11] *Brook P.* (ed.). Indigenous People and Religious Change. Leiden: Brill, 2005.

открывается транснациональный горизонт, который как бы выводит их из непосредственного и доминирующего этнического контекста. Другой вид влияния, который можно считать, скорее, харизматическим, — это подвижная международная деловая культура. Это влияние можно наблюдать во всех странах Тихоокеанского бассейна от Сингапура и Шанхая до Сеула, а также среди возникающих средних классов в таких странах, как Гана, Нигерия, Южная Африка, Аргентина и Бразилия. Менеджеры находят защиту от коррупционных схем и то пространство, в котором они могут проявлять эмоциональность. Неопятидесятничество этого типа особенно близко к деловым ценностям дальневосточных народов. Там нет того подозрительного отношения к роскоши и страха перед моральными соблазнами богатства, которые отличали представителей старых пятидесятнических групп, принадлежащих к «традиции святости» (holiness tradition), которые стремились не запятнать себя мирскими влияниями. Пасторы выглядят и одеваются, как менеджеры, и считают такой стиль жизни доказательством божественного благословения и правильности своей веры. Универсальная церковь Царства Божия в Бразилии демонстрирует очень деловой стиль. Она занимает помещения, похожие на кинотеатры, двери которых выходят на оживленные центральные улицы. В то же время этот образ религии как бизнеса не должен заслонять образ жизни множества верующих, например, принадлежащих к Христианской конгрегации в Бразилии, которая акцентирует чисто духовные цели в духе квиетизма и сторонится публичности, так что даже ее церкви отыскать бывает непросто. Универсальная церковь Царства Божия нарочито выставляет себя на показ, а Христианская конгрегация остается в скромном уединении.

Гораздо менее значительна пятидесятническая версия «университетской культуры», за исключением Западной Африки и, конечно, Эфиопии, где в некоторых крупнейших университетах имело место духовное пробуждение. В то же время сейчас возникает и пятидесятническая интеллигенция, способная создавать собственные учебные заведения более

высокого уровня, чем библейский институт. Кроме обучения, которое осуществляется в такого рода институтах, сами проповедники-пятидесятники сочетают в себе черты «скрытой интеллигенции» и капитанов религиозной индустрии; они вполне подходят для своей работы, потому что учатся в процессе своей деятельности и выживают в условиях рынка. Это значит, что они близки к людям по языку и культуре и что их неудачи типичны для новичков и связаны с соблазнами, которые порождают деньги, власть и секс. Их выбор — это выбор бедных, которые стремятся к лучшей жизни, реализуя свои собственные возможности, а не выбор бедных, которые делают акцент на спонсорах, мобилизующих этих бедных извне в соответствии со своими собственными целями. Дэвид Леманн считает одной из наиболее характерных черт пятидесятников их безразличие к спонсорству[12].

Альтернативный доминирующий нарратив и культурная мобилизация

Глобальным сдвигом, связанным с пятидесятничеством и харизматическим движением, является возникновение альтернативного доминирующего нарратива (master narrative) современности. В развивающемся мире, где происходят масштабные транс-формации, сегодня существует христианский доминирующий нарратив — наряду с секулярными нарративами международной интеллигенции, международного бизнеса, ислама, католицизма и, например, Китая. Этот нарратив предполагает культурную мобилизацию бедных, которая осуществляется своими силами и своими путями. Это не движение, поддерживаемое извне. Это культурная мобилизация, так как, поскольку это также и политическая мобилизация, она принимает множество форм в соответствии с социальным положением и интересом, несмотря на некоторое сходство с либеральной идеологией рынка, особенно в деятельности капитанов религиозной индустрии. Как и у капитализма, у него нет догматических установок относительно прогресса, а есть лишь пространство для своего развития. Если иметь в виду катастрофы,

[12] *Lehmann D.* Struggle for the Spirit Religious Transformations and Popular Culture. Cambridge: Polity Press, 1996.

связанные с марксизмом, который в свое время был догмой интеллигенции, а также его крушение, прежде всего с точки зрения его собственных критериев успеха, то существование прагматической, автономной и ненасильственной христианской альтернативы имеет всемирно-историческое значение. Никого не убили, и поэтому западные медиа столь неохотно обращали на него внимание. Люди, особенно вдовы, уставшие от мачо, позирующих с «калашниковым» в руках, а также мужчины, которые не были призваны в бригады сандинистов или в партизанские отряды, находят социально приемлемую альтернативу в пятидесятничестве. Чтобы понять это изменение в мужской психологии, можно прочитать исследование Дэвида Смайлда об обращениях в каракасе[13].

Пятидесятничество привлекательно для женщин тем, что оно предоставляет обширную, хотя и ограниченную сферу деятельности, включая руководство мегацерквами, и изменяет их семейную ситуацию. Если марксизм шел на спад в последние полвека, то пятидесятничество росло. Различные его варианты, многие из которых частично совпадали с подпольными группами, достигли успеха в Китае, особенно среди бедных женщин, как раз в период пика репрессий, сопровождаемых разрушением храмов. Время марксистских репрессий в Эфиопии (и гражданской войны в Уганде) также было благоприятным для его подпольного распространения[14]. В неблагоприятных социальных обстоятельствах люди волей-неволей потянулись друг к другу и лучше друг друга узнали.

**Англо-американская, а не французская модель**

Другим крупнейшим сдвигом, связанным с распространением пятидесятничества и харизматизма, является успех англо-американской модели

[13] *Smilde D.* Reason to Believe: Cultural Agency in Latin American Evangelicalism. Berkeley CA: University of California Press, 2009.
[14] *Jones B.* Beyond the State in Rural Uganda. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

будущего в сравнении с французской секуляристской моделью. Революции 1642 и 1688 годов в Англии и революция 1776 года в американских колониях оказались более влиятельными в долгосрочной перспективе, чем революция 1789 года и ее русское продолжение в 1917 году. Французский секуляризм дал основной нарратив интеллигенции и радикальным либералам в Латинской Америке, вместе с англо-американской моделью, но он утрачивает там силу, так же как и в Северной Африке под влиянием ислама.

Англо-американский либерализм предложил две модели модернизации, одна из которых испытала воздействие марксизма. Эта вторая модель игнорирует влияние культуры и делает акцент на пассивности жертв, а не на деятельности и прагматической самопомощи. Никто сегодня не сомневается относительно миллионов жертв репрессивных структур, но в то же время имеют место культурные революции, опирающиеся на активные преобразовательные усилия и самопомощь, двигателем которых является идея «совершенствования свыше», что вселяет гораздо большие надежды, чем, скажем, «культурная революция», проводимая центральной политической властью в Китае. Культура имеет большое значение и представляет собой одно из главных условий для изменений к лучшему.

Была, конечно, и европейская, и североамериканская культурная революция 1960-х, параллельная китайской, но развивавшаяся совершенно в другом направлении. Если китайская культурная революция была мобилизацией всего общества со стороны авторитарного режима, то культурная революция в Северной Атлантике внушала скептицизм по отношению ко всем институтам — политическим, экономическим, семейным или религиоз-ным — во имя духовности, сосредоточенной на человеческом «Я». Пятидесятничество также представляет собой движение духа, которое имеет некоторые черты «экспрессивной революции» 1960-х, но в то же время оно внедряет общинную, семейную и личную дисциплину. В частности, оно помогает бедным выжить, особенно когда поведение недисциплинированных мачо подрывает домашнее благосостояние, созданное женщинами, и, кроме

того, оно помогает защитить лучших в современной порочной и развратной атмосфере. Роль дисциплины в создании стабильности — один из важнейших факторов, привлекающих женщин. Если в более богатых частях мира женщины стремятся освободиться от тягот семейной жизни, то в бедных частях они нуждаются в мужчинах и готовы их принимать.

То, чего китайцы пытались достичь под руководством партии и правительства и чего народы Северной Атлантики ищут через обращение каждого человека к себе самому, пятидесятники со своим харизматизмом добиваются в развивающемся мире посредством добровольных ассоциаций, существующих ниже уровня государства и выше уровня индивида, реализуя важнейшее культурное качество: личную, семейную и общинную дисциплину. Давно известно, что утверждение демократии сопровождалось существовании-ем сильных добровольных ассоциаций, воспитывающих общественные добродетели, которые сдерживали индиви-дуальный эгоизм и способствовали созданию потенциального буфера против государственного авторитаризма. Именно такую роль, возможно, сыграет пятидесятни-чество в глобальном религиозном хозяйстве, но не стоит ожидать этого в ближайшем будущем, так как для успешной демократизации требуются и другие благоприятствующие факторы. Равно как не следует игнорировать, как это слишком часто делают пятидесятники, системное различие между эффективной деятельностью в личностном и групповом масштабах и эффективным взаимодействием с политическими структурами.

## Множественные современности, включающие религию, или секуляризация?

Пятидесятничество в глобальном религиозном хозяйстве следует поместить в рамку теории секуляризации и в рамку концепции множественных современностей. В двух моих главных работах, посвященных пятидесятничеству, — «Пламенные языки» (Tongues of Fire) и «Пятидесятничество: их приход — весь мир» (Pentecos-talism: The World

Their Parish) — я высказал предположение, что подъем пятидесятничества в развивающемся мире, на первый взгляд, свидетельствует, что Европа не дает модели будущего религии[15]. Латинская Америка очень сильно отличается от латинской Европы, несмотря на то, что в первой элиты отчасти испытали влияние французской модели воинствующего секуляризма, а Африка также резко отличается, в частности, после того, как исламизм вытеснил марксизм во франкоязычном североафриканском регионе.

Альтернативный взгляд, связанный с классической теорией секуляризации, ставит под сомнение эти своеобразные траектории или множественность форм современности и рассматривает пятидесятничество как последний судорожный вздох Духа. Пятидесятничество можно считать проявлением распада органической традиционной религии, параллельным тому распаду, о котором ранее свидетельствовал методизм в североатлантическом мире, и эти упадочные тенденции теперь распространились на Латинскую Америку, Африку и отдельные части Азии. Как методизм представлял собой некую фазу в развитии Северной Атлантики и помог протестантским странам, в которых он утвердился, избежать революции, так же и пятидесятничество представляет собой некую фазу в развитии Южной Атлантики со схожими последствиями. Капитализм как бы снова на краткое время вступил в своего рода альянс с религией, как это было в XVII веке в Амстердаме или в викторианской Англии, прежде чем сложилась новая повестка, потребовавшая развода. Страны, которые сегодня наводнило пятидесятничество, в будущем будут похожи на нынешний Уэльс спустя столетие после великого духовного возрождения 1904 – 1905 годов. Пятидесятничество — это «вращающаяся дверь», и не только в том смысле, что многие входят, чтобы выйти, но исторически, потому что «пламенные языки» превратятся в пепел во рту, как только закроется железная клетка рациональности и бюрократии. Все зависит от принципиальной переносимо-

[15] *Martin D.* Tongues of Fire. Oxford: Blackwell, 1990; Pentecostalism: The World Their Parish. Oxford: Blackwell, 2002.

сти европейского опыта из Европы, где религия тесно переплетена с коллапсирую-щими социальными структурами, в остальной мир.

Где те регионы, в которых пятидесятничество (конечно, вместе с евангеличеством) согласуется с различными тенденциями основных цивилизаций? Хотя оно менее всего успешно в Западной Европе, даже здесь оно представляет собой наиболее живой сектор. Подобным образом, даже если оно испытывает как социальное, так и физическое давление в исламских обществах, именно эта форма христианства скорее всего будет иметь влияние, например, в северном Кыргызстане и даже в Иране. В Северной Америке оно отчасти обеспечивает жизнеспособность консервативных церквей. В Восточной Европе мы видим явное и усиливающееся присутствие пятидесятников, постепенно укрепляющихся на громадных, но почти религиозно опустошенных христианских территориях, особенно в таких мультикуль-турных регионах, как Трансильвания и Западная Украина. В черную Африку оно приходит последовательными волнами, привлекая людей из исторических деноминаций, из независимых африканских церквей и существующих там, но переживающих упадок нехристианских религий; и оно даже отбирает верующих у коптского христианства или являет свое присутствие внутри него. Пятидесятничество пришло в Эфиопию в основном через шведских и финских миссионеров и затем через студентов университета в Аддис-Абебе, а также деятельность одного черного кенийского евангелиста, но оно затопило все основные церкви, размыв их границы, и проникло в Эфиопскую ортодоксальную церковь. Вместе с другими протестантами оно сегодня охватывает почти 20 процентов населения: около 14 миллионов человек. Как и в Латинской Америке, пятидесятничество обнаружило способность подорвать гегемонию Римо-католической церкви даже на главном католическом континенте. И это не говоря о его распространении в не-монотеистических мирах Китая и Индии, а также о его появлении по всей Юго-Восточной Азии внутри Римо-католической церкви.

Майкл Бергандер дает блестящий обзор его распространения в Южной Индии[16].

Итак, мы должны задаться вопросом, пролагают ли мировые цивилизации (с их ответвлениями) различные пути к современности, что означает перевод особого западноевропейского пути в статус исключения, пытавшегося представить этноцентризм в качестве универсальной нормы, или же этим цивилизациям предстоит пройти через процесс секуляризации в соответствии с жесткой версией этой социологической теории? Я с осторожностью склоняюсь к первой возможности, но при этом являюсь сторонником мягкой версии общей теории секуляризации, в соответствии с которой вполне вероятна репликация североамериканского плюрализма (вместе с исторически специфическими североамериканскими «культурными войнами» или без них), что будет проявлением логики социальной дифференциации, которая расширяет зияние, аналогичное существующему в самом христианстве разделению между Богом и кесарем. То, что происходит в Латинской Америке, без сомнения, является примером такой репликации, а не результатом имперского вторжения англо-американской культуры, как некоторые считают.

## Процессы, сопутствующие социальной дифференциации

Два процесса сопутствуют социальной дифферен-циации: эрозия социального капитала, заключающегося в общинной солидарности, стимулируемой добровольной приверженностью религии, и тенденция к усилению индивидуализма или того, что некоторые именуют личным нарциссизмом. Ясно, что евангеличество и пятидесятничество создают оплоты солидарности, и с ускорением радикальной индивидуализации в

[16] *Bergunder M.* The South Indian Pentecostal Movement in the Twentieth century. Cambridge: Eerdmanns, 2009.

современ-ном обществе эти оплоты будут разрушаться. В соответствии с таким сценарием все формы солидарности, религиозные и иные, вместе с тем социальным капиталом, который они производят, подвержены атомизации. Поскольку индивид — главное достижение протестантизма (конечно, наряду с самыми разными идеологиями, такими как романтизм), это будет другим примером веры, роющей себе могилу. «Дух» пятидесятничества, в конце концов, погаснет, а «языки» умолкнут. В настоящее время трудно предсказать, насколько вероятен этот сценарий.

**Рационализация и бюрократизация**

Если индивидуализация и потребительский гедонизм, несомненно, имеют предсказуемые последствия, то, быть может, другим компонентам теории секуляризации, таким как рационализация и бюрократизация, следует приписывать меньшую объяснительную силу, чем это доныне делалось. Рационализация и бюрократизация имеют некоторые последствия для религии, но совсем не очевидно, ни эмпирически, ни теоретически, что религия есть форма иррационального, приговоренная к воздействию технического разума и рационализированной бюрократии. Эмпирические данные свидетельствуют, что США столь же сильно рационализированы, как и Швеция, и все же религиозная ситуация в этих странах сильно разнится. Скорее всего, будет упрощением считать, что отношение между рационализацией и религией подобно игре с нулевой суммой, когда при усилении первой вторая ослабевает. Одной из интригующих особенностей пятидесятничества является как раз поиск Эдема с помощью современных средств.

Все это говорит в пользу способности пятидесятничества еще долгое время сохранять жизнеспособность. Таким образом, в той фазе, когда пятидесятничество инициирует «уход», может показаться, что религия приватизирована, однако фактически оно осуществляет масштабную

культурную революцию, в результате которой может появиться целая влиятельная группа — по образу черных церквей в США. Что касается эрозии социального капитала, то здесь можно лишь заметить, что если социальный капитал как таковой, включая религию, не восполняется, то ставится под вопрос сама социальная жизнеспособность.

Что же до бюрократизации, то существует множество примеров того, как у пятидесятников складывается бюрократия, и некоторые из этих примеров проанализированы Дэвидом Леманном в книге «Борьба за дух»[17]. В то же время сочетание слияния и разделения в евангелическом мире обычно гарантирует, что если один сектор бюрократизируется, то возникает другой сектор под знаком новой харизмы, и пока пятидесятнические церкви успешно сочетают бюрократизацию с широким участием и обретением харизматических даров, в частности, целительства. Вопрос в том, будет ли мирянский популистский порыв, представленный во всем своем многообразии скрытой интеллигенцией, капитанами религиозной индустрии и профетическими голосами из Латинской Америки и Африки, присвоен секулярной интеллигенцией, помещен под бюрократический надзор и использован как дополнительный рычаг западным интеллектуальным истеблишментом. Расфасовка и контролирование Духа имеют свои пределы, и здесь можно избежать «железной клетки» Макса Вебера, если это вообще возможно.

Сценарий, который с наибольшей вероятностью исключает социальная дифференциация, согласующаяся с фракционной логикой самого христианства, — это какая-либо новая гегемония, теперь со стороны евангеличества и пятидесятничества. Такие амбиции встречаются у некоторых бразильских энтузиастов, а в Гватемале евангелический и неопятидесятнический этос оказывает влияние даже на значительную часть новой элиты. Однако шансы на организационное восстановление церковно-

[17] *Lehmann D.* Struggle for the Spirit: Religious Transformations and Popular Culture. Cambridge: Polity Press, 1996.

государственной спайки представляются весьма сомнительными. Множество деноминаций не может оказывать определяющее влияние на государство, и именно здесь, конечно, контраст с исламом наиболее значителен. Ясно, что последствия двух соперничающих версий еврейского монотеизма весьма различны, и мы имеем дело с разными способами воздействия веры на цивилизацию. Хотя различные элементы процесса модернизации и присутствуют в исламском мире, под воздействием исламской культуры они принимают особые формы. Опять же и дифференциация различается по своим возможным результатам, которые включают и вероятность де-дифференциации. В отношении к дифференциации консервативное евангеличество и консервативный ислам — это полярные противоположности, и в нашей нынешней ситуации оба представляются опасными либералам и либеральным христианам, которые объединяют их под именем фундаментализма. Это объединение ошибочно не только потому, что между ними громадная разница в том, что касается потенциала насилия, но и по тем причинам, о которых я говорил выше.

*Перевод с английского под редакцией*
*Александра Кырлежева*

**Библиография**

*Bastian J.-P.* Le Protestantisme en Amérique Latine: une Approche Socio-Historique. Gevena: Labor et Fides, 1994.

*Bergunder M.* The South Indian Pentecostal Movement in the Twentieth century. Cambridge: Eerdmanns, 2009.

Christianity in Korea / Eds. R. E. Buswell, T. S. Lee. Honolulu: University of Hawaii Press, 2005.Дэвид Мартин №1(30) · 2012 189

*Dijk van R.* Time and Transcultural: Technologies of the Self in the Ghanaian Pentecostal Diaspora // Beyond Babel and Pentecost: Transnational Pentecostalism in Africa and Latin America / Eds. A. Corten, R. Marshall-Fratani. London: Hurst, 2001.

*Greenleaf F.* The Seventh-day Adventist Church in Latin America and the Caribbean. Vols. 1 – 2. Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1992.

*Harries P.* Butterflies and Barbarians: Swiss Missionaries and Systems of Knowledge in South-East Africa. Columbus, Ohio: Ohio University Press, 2007.

Indigenous People and Religious Change / Ed. P. Brook. Leiden: Brill, 2005.

*Jones B.* Beyond the State in Rural Uganda. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

*Lehmann D.* Struggle for the Spirit Religious Transformations and Popular Culture. Cambridge: Polity Press, 1996.

*Martin D.* Pentecostalism: The World Their Parish. Oxford: Blackwell, 2002.

*Martin D.* Tongues of Fire. Oxford: Blackwell, 1990.

*Meyer B.* Translating the Devil. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

Missions and Empire / Ed. N. Etherington. Oxford: Oxford University Press, 2005.

*Pelkmans M.* Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith. Oxford: Berghahn, 2009.

Smilde D. Reason to Believe: Cultural Agency in Latin American Evangelicalism. Berkeley CA: University of California Press, 2009.

*Thompson D.* Waiting for the Antichrist. Charisma and Apocalypse in a Pentecostal Church. Oxford: Oxford University Press, 2005.

*Wanner C.* Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca: Cornell University Press, 2